

№ 543. — Письмо Адольфу Рейхелю.

Перевод с немецкого

(7 апреля 1850 года. Кенигштейнская крепость).

Мой дорогой, я хотел бы, чтобы ты по крайней мере каждые две недели получал известие, что я расстрелян: тогда ты мне наверно писал бы, живому же ты не хочешь писать. Только тогда, когда я умер, ты мне пишешь 1. Спасибо, спасибо за твою дружбу, я не сомневался в ней, несмотря на твое молчание, но я не скрою от тебя, что мне было от него очень больно. Я не требую длинных писем, только нескольких строк, как в твоих последних двух письмах, которые бесконечно обрадовали меня.

Итак мне не нужно говорить тебе, что я жив; в моем положении здесь ничего не изменилось с тех пор, как я тебе его описывал. Что меня ожидает, я еще не знаю. Я стараюсь быть готовым ко всему. Смерть, если она мне суждена, не страшит меня. Она была бы мне милей, чем продолжительное заключение, т. е. живой гроб. Впрочем по всем видимостям мне не придется умереть так скоро. Мое настроение в общем довольно хорошее, я стараюсь удержать себя в равновесии путем работы и внутренней выдержки, хотя должен сказать тебе, что пенсильванская система - самая возмутительная моральная пытка и могла быть придумана только протестантами 2. О моем материальном положении и моем вероятном будущем тебе господин Отто (Франц Отто I, адвокат.) вероятно уже писал. Дорогой мой, прошу тебя, постарайся, чтобы он был вознагражден за весь свой труд и старания, за потерю времени и денег, это теперь - моя единственная забота, все остальное я уже давно предоставил року.

Письма и дружба Матильды (Матильда Рейхель-Линденберг) являются для меня истинною отрадою в моем заключении. Она хочет приехать в Дрезден и добыть себе разрешение посетить меня здесь. Мне нечего говорить тебе, что это было бы для меня громадною радостью, но я боюсь, что ей не разрешат видеть меня. Иоганна (Иоганна Пескантини.) - прекрасная душа, как всегда, этим сказано все хорошее и плохое. Она все еще теологизирует и слишком много занята своим душевным спасением - как ты знаешь, лучшее средство никогда не достигнуть его. Она все еще как бы исповедуется; итак все еще старая болезнь, которая разлагает и делает бессильным ее благородный характер.

Я пишу теперь свою защиту, длинная и бесконечно долгая работа; ты знаешь, как неохотно и тяжело я пишу, но все же это скоро придет к концу 3. Больше я не могу тебе ничего сказать о моей здешней жизни: она не богата событиями. Я люблю тебя с тою же теплотою, искренностью и преданностью, как прежде, надеюсь лишь, что ты мне будешь чаще писать.

Кланяюсь всем, кто помнит обо мне. Прощай.

Твой

М. Бакунин.

7 апреля 1850 года.

Кенигштейн.

Комментарий

Но 543. - Это письмо Бакунина, также опубликованное в литографированной биографии его, написанной Максом Неттлау, представляет ответ на письмо А. Рейхеля от конца марта 1850 года. Оригинал этого письма Рейхеля, подобно другим письмам его и сестры его Матильды к Бакунину в кенигштейнскую тюрьму, находится в пражском военном архиве. Выдержка из него размером в несколько строк напечатана у Пфицнера на стр. 228; (по-русски письмо напечатано в "Материалах для биографии", т. II, стр. 390-391): она гласит: "Ну-с, дружище, раз мы еще дышим и можем черкнуть словечко, воспользуемся этим для того, чтобы вспомнить, что, пока мы жили, мы любили друг друга я многих, которые тоже останутся нам верны до последней минуты. Привет тебе, старый, милый друг. Твоя жизнь была и есть ненапрасной, - в этом будь твердо убежден". Этот торжественно-прощальный тон письма объясняется тем, что Рейхель был в тот момент уверен в близком расстреле Бакунина, как явствует из следующей приписки адвоката Отто от 30 марта 1850 г.: "Судя по строкам, обращенным проф. Рейхелем ко мне, во французских газетах появилось сообщение о том, что Вы в ближайшие дни будете расстреляны, если это уже не случилось. Я сейчас же написал ему, что это-чепуха, и сообщаю Вам об этом лишь для того, чтобы сделать для Вас понятным это письмо".

1 Бакунин, равно как Гейбнер и Реккель, были приговорены к смерти судом первой инстанции 14 января 1850 года; приговор был утвержден 6 апреля высшим апелляционным судом, и только 6 июня король помиловал осужденных, заменив им смертную казнь пожизненным заключением. Тем временем распространился слух, что король утвердил приговор военного суда и даже что осужденные уже казнены. На этот слух, которым нашел отражение и в дневнике Варнгагена (т. VII, стр. 108), где в записи 20 марта 1850 г. говорится, что Бакунин и Реккель уже расстреляны, и о распространении которого Бакунин возможно узнал в тюрьме, невидимому и намекает данное письмо. На неверный слух об утверждении королем приговора и неизбежной в связи с этим близкой казни заключенных откликнулся я Р. Вагнер, которому удалось уйти от ареста и который находился в это время в Бордо. В марте 1850 года он написал своим друзьям восторженное письмо в крепость Кенигштейн, напечатанное по-русски в приложении к его мемуарам. Приводим из него следующие извлечения: "Пишу не затем, чтобы говорить слова утешения, так как знаю, что в утешении вы не нуждаетесь... Братья, я хочу признаться в своем малодушии: из любви к вам я мечтал о том, чтобы вам даровали жизнь. Теперь я понял; величие и мощи вашей соответствует жестокий жребий, уготованный для вас врагами... Вы вправе гордиться собою. Дорогие братья! Что казалось нам самым необходимым для того, чтобы люди могли переродиться в настоящих людей? Необходимо, чтобы нужда заставила их стать героями. И

мы видим теперь перед собой двух таких героев, которые, влекомые святой потребностью любви к людям, поднялись до радости истинного мужества. Привет вам, дорогие. Вы показываете нам, чем могли бы быть мы все. Умрите с радостным чувством того значения, которое вы приобрели для нас... Мой Михаил, мой Август! Милые, дорогие, незабвенные братья! Вы будете жить! Слух о вас все шире и шире распространится среди людей, и имена ваши станут символом любви и блаженства для будущего человечества. Примите же смерть, окруженные удивлением, поклонением и любовью!.. Итак, дорогие братья, обнимаю вас со всем жаром любящей души. Этим моим поцелуем и этой моей слезой приобщаюсь к тому величию, которым вы осенены сейчас в моих глазах! Радостно и гордо, как вы, хочу и я когда-нибудь отдать свою жизнь на алтарь нашей дружбы!" ("Письма", т. IV, стр. 548-549).

2 Пенсильванская система заключения названа так потому, что впервые применена была в построенной в 1818 году в г. Филадельфии (штат Пенсильвания) исправительной тюрьме (пенитенциарии). Для воздействия на психику заключенного здесь введено было строгие одиночное заключение, и в течение всего дня не допускалось между арестантами никакого общения. Для усугубления моральной пытке что мучение сопровождалось посещениями арестованных членами местной администрации, судьями, представителями обществ попечения о тюрьмах и тому подобными лицемерными и жестокими ханжами: все это предназначалось для разложения психики заключенных. Бакунин имеет здесь в виду строгое одиночное заключение, которому он и его товарищи подвергались в Кенигштейнской крепости.

3 Судя по этому месту, можно полагать, что Бакунин продолжал свою работу над составлением большой защитительной записки и в начале апреля 1850 года, но после состоявшегося в апреле решения апелляционного суда, подтвердившего приговор суда первой инстанции, записка утратила смысл и осталась незаконченной (она напечатана у нас под No 542).

Версия #3

□□□□□□□□ □□□□□□□□ создал 9 декабря 2025 20:48:51

□□□□□□□□ □□□□□□□□ обновил 9 декабря 2025 21:05:41